

МЕТАМОРФОЗЫ РОДИТЕЛЬСКОЙ ЛЮБВИ

или

КАК **ВОСПИТЫВАТЬ**, но НЕ КАЛЕЧИТЬ

Ирина Юрьевна Млодик
Метаморфозы родительской
любви, или Как
воспитывать, но не калечить
Серия «Родительская библиотека»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22456624

*Метаморфозы родительской любви, или Как воспитывать, но не
калечить: Генезис; Москва; 2017
ISBN 978-5-98563-440-2*

Аннотация

Эта книга о родительской любви. О том, каким образом мамы и папы, абсолютно убежденные в том, что творят благо, пытаются влиять на своих детей, и к чему это может привести. О том, как и когда родительская власть превращается из опоры и необходимости в разрушительную силу. О последствиях такого насильственного воспитания и альтернативных способах выстраивать отношения с собственными детьми. Книга адресована всем, кто готов задумываться над тем, что именно мы делаем, воспитывая наших детей, и сделать все возможное, чтобы насилия в мире стало меньше.

Содержание

Вместо предисловия	4
Часть I.	9
1	9
2	16
Принуждение	18
Устыжение	21
Наказание	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Млодик Ирина Юрьевна

Метаморфозы родительской любви, или Как воспитывать, но не калечить

Вместо предисловия

Я не думала, что у меня когда-нибудь появится желание еще раз вернуться к детско-родительской теме. Так много уже написано, так много сказано. Кажется, что абсолютно нечего добавить к тому, что есть. Но, продолжая работать, имея дело с бесчисленными детскими историями, которые мне рассказывают как мои маленькие клиенты, так и взрослые, я отчетливо понимаю, что совершенно простые и даже банальные вещи, понятия, явления ускользают от понимания многих взрослых, воспитывающих детей в нашей стране.

Эта книга не для вас, если вы:

- точно знаете, как воспитывать своего ребенка, уверены во всех своих воспитательных целях, мотивах, задачах;
- руководствуетесь принципом «меня так воспитывали, и

я буду так же»;

– считаете, что родительство – это то, чему не надо учиться, вы и так все знаете лучше других;

– сами готовы раздавать советы другим, как им воспитывать их детей.

Потому что я собираюсь с вами поговорить о том, что непросто слышать, иногда трудно понять, и в чем нестерпимо признаваться самим себе. В частности, о том, что является фоном, общепринятой нормой. Я хочу поговорить с тем, кто готов, вдумчиво всмотревшись в самого себя, честно признать то, что мы, взрослые делаем в отношении окружающих нас детей, и то, какую систему воспитания мы для них создали. А также с тем, кто готов к маленькому шагу, взрослому решению, которое позволило бы хоть что-то изменить в отношении хотя бы одного ребенка: вашего, всем сердцем любимого; хорошо знакомого соседского; профессионально вам порученного подопечного; а также случайно встреченного.

Я знаю, что большинство из вас любит своих детей. Но я также вижу, как морок нашего воспитания влияет на то, как именно мы их любим. У меня нет никакого желания осудить кого-то, «поймать за руку» или застыдить за «неудовлетворительное» родительство. Абсолютно не имею такого намерения.

Во-первых, я понимаю, как непросто растить ребенка, какая это невероятная сложная задача, если хоть немного задум-

мываться о глубине происходящих в вас и между вами процессов. Я – мама, и я знаю это из собственного опыта. Во-вторых, я считаю, что осуждение и критика вредны для жизни, понимания и дальнейшего роста. Еще и поэтому у меня нет желания, чтобы в моих словах вы слышали бы осуждение, назидание или обвинение.

Но мне по-настоящему важно, чтобы мы с вами просто посмотрели, признали и осознали последствия нашего взрослого насилия над детской душой. Намеренного или неосознанного, мимолетного или регулярно совершаемого, неявно травматичного или глубоко токсичного для психики наших детей.

Да. Эта книга о насилии. В том числе она о том, что в просторечье называется просто «воспитанием». О том, каким образом многие родители пытаются влиять на своих детей, будучи абсолютно убеждены в том, что творят только благо. А также об унижениях, оскорблениях, манипуляциях, инцесте, взламывании детских границ, физическом, эмоциональном, сексуальном насилии, в котором живут наши дети. О том, как и когда наша родительская власть превращается из опоры и необходимости в разрушительную силу. О последствиях такого насильственного воспитания и альтернативных способах выстраивать отношения с собственными детьми.

Полагаю, что эта книга в отличие от других моих книг не вызовет положительного (в целом) принятия. Возможно, вы

не раз в ярости захлопнете ее, узнав там себя или окружающих вас людей. Вы имеете право злиться, быть несогласными со мной, возмущаться. Но я не могу не говорить о том, что так вездесуще, так распространено и так калечит жизни наших детей.

Мы часто чувствуем себя беспомощными, поскольку не можем влиять на существующую образовательную, политическую, медицинскую или еще какую-либо систему. Нам привычно ощущать себя безвластными, пассивными, маленькими перед махиной государственной власти или всемогуществом системы. «Я не могу повлиять ни на что. Я слишком мал. Мой голос тих. Таких, как я, совсем немного. Я не уполномочен менять то, что сложилось. Мое дело – принять и адаптироваться к тому, что есть». Я и сама часто ощущала что-то подобное. Но, честно глядя на саму себя, я все больше понимаю, что это – всего лишь способ укрыться от ответственности, от простой правды, состоящей в том, что каждый наш поступок и реакция вносит свою долю влияния на наш мир, каждую минуту создавая и изменяя его.

Я – женщина, существо мирное, не поддерживающее революционные настроения. Я не за то, чтобы весь мир насилья разрушить до основания, а затем..... Тем более что мы все это проходили уже не раз. Я как раз за обратное: за понимание того, что насилие порождает только насилие. Я за то, чтобы принять и признать вклад каждого из нас в то, в какой семье мы живем, в какой системе работаем, в какой

стране строим будущее и растим своих детей.

Еще раз повторяюсь, что я не намерена вас и себя (ибо я тоже родитель) ни в чем обвинять и тем более стыдить, не намерена даже ни к чему призывать, хотя, признаюсь честно, порой очень хочется. Я осознаю, что не обладаю никакими полномочиями для такого рода призывов. Я просто предлагаю вам разговор на сложные темы, о которых в нашем обществе, как правило, предпочитают не только не говорить, но даже не замечать их, не называть, не соприкасаться.

Но если мы, взрослые, не начнем называть вещи своими именами, то мы навсегда останемся в этом мороке, в иллюзии того, что «мы ни при чем, от нас ничего не зависит».

Мы можем что-то изменить. Если для начала осознаем, что именно мы делаем, воспитывая наших детей. Признаемся в этом сами себе. Ясно увидим и признаем последствия. И сделаем что можем, чтобы насилия в нашем мире стало меньше.

Часть I.

Особенности русского родительства

1

Почему мы стали такими (одна из версий)

Если вам трудно или неинтересно читать эту главу, вы ее легко можете пропустить или вернуться к ней позже. Она для тех, кому важно или нравится понимать возможные перво-причины.

Много лет пребывая в разных ролях в образовательновос-питательных системах в нашей стране, слушая жалобы учи-телей и родителей, видя проблемы детей, окружающих ме-ня и приходящих на консультацию, я задавалась вопросом: что же лежит в основе многих посланий и интервенций от системы (каковой является школа или детский сад), в кото-рой растут наши дети? И с изумлением обнаружила до боли простой посыл, доставшийся нам из нашего давнего истори-ческого прошлого.

Звучит он примерно так: «Дети – это существа, наделен-

ные чем-то порочным, неправильным, искаженным, и наша святая задача – сформировать из ребенка могучее, доброе и светлое, не щадя живота нашего для искоренения в нем порока и изъяна».

Если взять относительно недавнюю историю, то, например, во времена расцветающего большевизма под такой позицией как будто бы лежали свои основания: новая страна формировала новых граждан под свои идеологические цели. Новый гражданин должен соответствовать новому обществу, все старое было объявлено неправильным и устаревшим. Прежние опоры, устои, основания были выдернуты с корнем, выкорчеваны, истреблены. Новые основания и опоры должны были быть заложены в каждую детскую душу, потому что им, вырастающим, нужно было убедительно, без колебаний и сомнений строить и укреплять новое общество.

«Педагогика – одна из важнейших революционных и постреволюционных дисциплин. К советским людям власти относятся как строгие, но справедливые учителя к невоспитанным детям, которым они помогают избавиться от детского мистицизма, фантазирования, индивидуализма и хаоса» (цитата из статьи Арона Залкинда 1924 г. «Пионерское молодежное движение как форма культурной работы среди пролетариата»). Такая цитата – не только руководство к действию для педагогов, но и послание, впитавшееся, вросшее, ставшее основой для многих поколений родителей. И основная мысль в этом послые проста и незатейлива: «Ребенок –

это несовершенно и в целом неправильно устроенное существо, которому требуется постоянное и активное исправление». Впрочем, большевики не изобрели ничего нового в отношении к детям, они всего лишь основывались на идущих из средних веков посылках о порочности юного существа, порочности, от которой способна спасти только религия. Большевизм предложил новую религию, но предположение о несовершенстве природы ребенка осталось и укрепилось.

Грандиозная затея, без сомнения, удалась. И само отношение, сам механизм остался, хотя и претерпел некоторые изменения. Несколько поколений после революционных времен уже жили в новом строе, а необходимость исправлять, понукать и критиковать растущего ребенка оставалась и укреплялась. Более того, сама идея воспитания как будто бы все больше сводилась к некоторым простым родительским схемам: кормить, одевать и исправлять. Родительский долг считался выполненным, если одно из трех выполнялось, и уж тем более появлялось родительское удовлетворение, если выполнены все три.

Итак, одна из явных родительских тенденций – желание исправлять, продиктованное неистребимой верой в то, что детей нужно переделывать, ибо они недостаточно хороши, потому что природа задумала их «порочными». Вторая родительская тенденция – не смотреть, не видеть, не признавать собственных ошибок, недостатков и родительских «по-

роков». Истоки этого, возможно, в том числе в следующем.

Наше общество (уж не будем залезать в глубь веков) весь XX век во многом занималось тем, что прятало от самих себя свои проблемы. Революцию совершили крестьяне, рабочие и солдаты. Будучи всегда подчиненными, угнетенными, задавленными, они таили в глубине души максимально детскую, инфантильную, глубоко обиженную и незрелую психологическую природу. Многие из них в своем психологическом развитии не достигли даже подросткового возраста (за исключением разве что предводителей, подростковому самосознанию которых максимально соответствовала идея свержения и сноса «родительских» ценностей).

Убрав, свергнув, постепенно сместив всех тех, кто создавал и держал на себе прежнее общество, – значительно более «взрослую» часть русского населения – русское дворянство и интеллигенцию, застигнутых революцией на самом пике собственного кризиса, они отвергли все то, возможно, малое, на что можно было опереться, чтобы вершить безусловно назревшие в стране изменения.

В результате грандиозного переворота нашей страной стали править люди с детской, недозревшей психикой, а ей свойственны незрелые защиты, в частности отрицание. «Этого не было. Ничего такого не происходит. Нет необходимости вмешиваться и что-то менять. Все хорошо. Если кто-то что-то сделал плохое, то это не я. Это кто-то другой. Это не моя ответственность. Я ни при чем». Все, что нами не

присваивается и не признается, имеет тенденцию уходить в Тень¹.

Итак, многие проблемы тогдашнего молодого общества начинают отрицаться. Детская психика совершенно не переносит противоречий. А они были налицо: хотели дать все и всем, а кругом были лишь тотальная бедность и лишения, хотели дать светлое будущее, а получали голод, гражданскую войну и яростное сопротивление старого режима. Хотели управления по справедливости, а получили власть чиновников от партии, в самом авангарде которой оказались далеко не самые психологически здоровые и достойные, морально чистые и высокодуховные люди. Детский способ борьбы с противоречиями – перестать их замечать, отрезав одну из противоречивых частей, сказав «этого просто нет». Невыносимо видеть и признавать собственную порочность, гораздо проще поместить ее во что-то, что не является мной, – например, в буржуазию и враждебное окружение и начать с ни-

¹ Понятие Тени к нам пришло из юнгианской психологии и подразумевает, что то, что нами не признается, не присваивается как наше, все это вытесняется нами, хранится в некоем бессознательном контейнере и имеет тенденцию активно проецироваться на других. Например, если вы не признаете своего страха, то вам кажется, что боятся окружающие, или вам кажется, что мир опасен, но вам трудно сказать почему. Если вы не присваиваете своего права на собственные желания, то вас могут очень раздражать те, кто желает и стремится выполнить свои желания. У нас часто вызывает сильные чувства в другом то, что мы не можем присвоить себе. Но смотреть на себя честно значительно сложнее, чем начинать бороться с другим, искореняя в другом то, с чем сложно сталкиваться и что сложно признавать в себе.

ми бороться, или в ребенка и начать его исправлять. Потому что борьба и исправление дают ощущение собственного участия в изменениях. Я уже не пассивный страдалец – я меняю мир тем, что борюсь с «неправильным» и «враждебным». Не замечая собственных проблем и изъянов, я начинаю подзревать и искоренять их в собственных детях.

В моменты сомнений и колебаний общество значительно стабилизировалось и укреплялось на почве идеи борьбы с внутренним или внешним врагом. В моменты наших внутренних конфликтов и сомнений нам очень хочется активно перевоспитывать наших детей. Нам начинают бросаться в глаза их ошибки, нас вдруг серьезно начинает беспокоить их поведение, и мы из самых лучших родительских намерений принимаемся за воспитательную работу. Это кажется нам значительно более важным и воодушевляющим, чем разбираться с собственными проблемами и кризисами.

Итак, не разобравшись в себе, не поняв себя, часто даже не имея элементарных представлений о психологии, законах общения и ничего не зная о периодах, кризисах и феноменах детской психики, такой ретивый родитель берется воспитывать, формировать, исправлять все то, что уже мудро заложила в ребенке природа, и то, что, по сути, вовсе не нуждается в исправлении.

Не задаваясь вопросами, не мучаясь в поиске ответов, такой родитель вынужден либо взять за основу модель воспитания его самого собственными родителями, либо реаги-

ровать на ребенка реактивно, то есть, как говорят в народе, «как Бог на душу положит»: в соответствии с собственным настроением, ограничиваясь собственным пониманием, ориентируясь по большей части на реакции и ожидания окружающих, но не на свою родительскую интуицию или на мудрую природу самого ребенка.

Любимые родительские воздействия

Таким образом, исходя из воспитательной предпосылки «искоренить и переделать», главным и основным в родительском воздействии на ребенка становились такие незатейливые родительские интервенции, как оценивание, критика, принуждение, устыжение, ограничение, угрозы. Главной детской добродетелью оказывалось послушание, признание собственного несовершенства и виновности, а также стремление максимально соответствовать родительским ожиданиям. Основным инструментом – манипуляции, принуждения, наказания, поощрения. Любимыми средствами – собственное недовольство и вызывание в ребенке чувства вины, стыда, страха.

Ребенок воспринимался взрослым миром как неспособный к позитивному управлению собственной деятельностью. Формообразующая, структурирующая функция была вынесена вовне, помещена во внешнего взрослого. Ребенок воспринимался как хаотичное, начисто лишенное воли, совести, естественных внутренних ограничений, осознанного выбора и нравственных принципов существо. Что говорить, многими взрослыми и в наше время продолжает так восприниматься.

Взрослый, выращенный при прежнем строгом авторитар-

ном режиме, как правило, управлялся извне, формируемый внешними посылками и корректирующей средой, выпадать из которой, выделяться было достаточно опасно. Поскольку такой взрослый все время испытывал давление и ограничения извне, то и детям своим он транслировал то же самое.

Как правительство, уйдя от «отцовской» власти монархии, перейдя к матриархальным принципам большевистского братства, окунувшись в хаос и не справившись с постреволюционным разбродом, вынуждено было вернуть строгую и авторитарную власть, так и современный родитель практически убежден, что если оставить ребенка предоставленным самому себе, то он, безусловно, не справится с собственным внутренним хаосом и непременно разнесет все вокруг. И потому жесткий контроль, критика и понукание каждому ребенку просто необходимы.

Это совершенно не так. Детская, не изнасилованная родительским давлением психика способна к самоорганизации. Ребенок вполне может вести себя конструктивно без вездесущего родительского давления или контроля, постепенно осваивая среду вокруг, овладевая собственным контролем, выращивая собственную ответственность. Но насколько трудно поверить в это взрослому, выросшему в тотальном контроле над ним государства, системы и его собственных родителей!

Давайте все же разберемся, какое послание получает ребенок от взрослого, испытывая на себе те самые традицион-

ные родительские воздействия. И какое на самом деле влияние они на него оказывают. Итог часто оказывается совершенно не тем, который мечтает увидеть воспитывающий родитель. Но искать первопричину в себе, он, к сожалению, часто совсем не склонен.

Итак, даже вполне современные родители нередко делают это.

Принуждение

Традиционный воспитательный метод. Обычная ситуация: ребенок не хочет; родитель принуждает. Первый по каким-то причинам решает чего-то не делать. Второй считает необходимым не искать причины такого решения, а просто заставить.

Послание при этом примерно таково: *«Ты сам не можешь, у тебя нет своей воли, своей интенции, контроля, опыта, ума, а у меня есть! И я заменяю твою внутреннюю волю своей!»*

Тот, кого часто принуждают, живет во внутреннем конфликте: с одной стороны, он старается выполнять все, что от него хотят, во избежание еще большего давления. С другой — что-то в нем из всех сил сопротивляется принуждению.

Жить под принуждением, регулярно отдавая весь контроль внешнему Другому, нам на самом деле совсем не хочется, поскольку вместе с контролем мы отдаем и свои же-

лания, и свое ощущение себя, своих чувств, своей воли. Постоянная жизнь под принуждением – верный путь к окончательной потере себя самого. Выхода из такой модели, как правило, два. Либо смириться, отказавшись от всего своего, полностью подчинившись чужой воле, став послушным и ведомым до конца дней своих.

Либо включать противоволю, пытаюсь противостоять принуждению. Если все-таки в какой-то момент, когда мы уже хотим перестать быть подчиненными и задавленными, мы начинаем бунтовать, то встречаемся с сильной ответной агрессивной реакцией. Наше окружение, привыкшее к нашей безропотности, скорее всего быстро подавит «бунт на корабле», чем с большой степенью вероятности окончательно убьет нашу волю, лишив смысла сопротивление принуждению.

И если окажется, что бунт в нашем домашнем окружении все же строжайше запрещен, то какое-то время мы еще бунтуем через болезнь, пассивные протестные реакции, навязчивые состояния. Но потом, не в силах все время жить во внутреннем конфликте, в конце концов отказываемся от собственной воли ради спокойствия.

Таким образом, нам важно осознавать, что, регулярно принуждая детей, мы калечим их здоровую волю (в случае их полного отказа от сопротивления), закладываем в них либо мазохистский механизм (привычку страдать и терпеть), либо болезненное стремление к сверхконтролю.

Его часто принуждали, но никогда не били – он же рос в такой интеллигентной семье! Строгая бабушка просто не допускала возражений, чего бы это ни касалось: супа, который надлежало доест, вне зависимости от того, что ему было противно, уроков, которые надо было делать в заведенной ею очередности. Одеваться, раздеваться, убирать, складывать, чувствовать, думать. В нем не было ничего своего, кроме настойчивого желания сделать все именно так, как она хотела, Но бабушкино давление делало его неповоротливым, руки переставали двигаться, ноги не хотели идти.

Он жил как будто в вязком болоте, где каждое движение стоило невероятных усилий. Ему невыносимо было слышать ее бесконечные замечания, но как бы он ни старался, каждый раз почему-то все получалось медленнее и медленнее. Это рождало новую волну бабушкиного недовольства, и казалось, этому не будет конца. Он был в тупике, но поделать уже ничего не мог. Когда ему поставили диагноз «обсессивно-компульсивное расстройство», они оба были очень огорчены. Она – тем, что он ее так разочаровал, а он – тем, что так ее подвел, хотя очень старался делать все, что ожидали от него требовательные и любящие взрослые.

Альтернатива принуждению – твердое обозначение своей родительской позиции или проявление нормальной родительской власти, желательно с обозначением и приня-

тием детских чувств. Пример: «Да, я понимаю, что ты не любишь вставать так рано. Но в твоей школе уроки начинаются в 8 утра, и потому тебе уже пора». Другая альтернатива, для более взрослых детей – отдать им контроль за своим ранним подъемом, обозначив, что это их дело – разбираться потом с опозданиями в школу. Третья альтернатива – нормальная родительская просьба: «Ты не мог бы помочь мне с уборкой: убрать сегодня в своей комнате и помыть везде пол, потому что к вечеру у нас будут гости». Важно помнить, что просьба подразумевает возможность отказа. Но ваше уважительное отношение к ребенку, который может вам отказать, окупится сторицей, потому что обернется гораздо большим сотрудничеством и ответным уважением к вам и вашим просьбам.

Устыжение

Излюбленная родительская манипуляция. Действительно, часто срабатывающая, сиюминутно эффективная, но весьма токсичная в своей перспективе, поскольку грозит насильно вскрыть то, что хотелось бы оставить укрытым.

Послание при устыжении таково: *«Ты плохой, ужасный, я вижу тебя насквозь, ты от меня ничего не скроешь, и особенно того, в чем ты ужасен. Все твои желания и действия порочны. Учти, я слежу за тобой и всегда готов вывести тебя на чистую воду».*

Если мы пристыдили ребенка, особенно публично, то вот

что мы на самом деле сделали:

- мы продемонстрировали свое превосходство, совершив акт психологического насилия;
- мы вскрыли перед всеми то, что он предпочел бы оставить при себе, тем самым нарушили его интимность;
- мы объявили его плохим, и это чувство, увы, надолго останется с ним;
- мы поселили в нем страх перед собственными ошибками, недостатками, поступками;
- мы положили еще один камень в сооружение его собственной «тюрьмы», которая не позволит ему проявляться, творить, пробовать, самовыражаться, достигать;
- мы самонадеянно посчитали, что у него нет собственного инструмента совести и понимания, что он поступил неправильно.

Поэтому я считаю устыжение скорее вредной, разрушительной родительской интервенцией. Главным образом потому, что «в руках» некоторых взрослых стыд утрачивает свою первичную функцию: укрывать сокровенное, интимное от чужого взгляда перестает быть эмоциональным выражением нашей совести, а превращается в инструмент манипуляции, запугивания, воздействия.

Тот, кто постоянно стыдит ребенка, либо рождает в ребенке тенденцию к расщеплению и вытеснению всего того, чего, по его мнению, надо стыдиться. И тогда ребенок вынужден не чувствовать потребностей своего тела, отказавшись

от всего, что вызывало мучительный стыд: от удовольствия, сексуальных желаний, проявления чувств, от возможности проявляться в принципе. Либо рождает в нем сопротивление в виде девиантного (социально неприемлемого) поведения, которое позволяет ребенку совершать поступки, которых можно реально стыдиться, тем самым ребенок парадоксальным образом пытается взять стыд под свой контроль.

Поскольку испытывать стыд весьма мучительно, а стать безупречным, лишенным всего человеческого – невозможно, то в семьях со слишком строгими правилами и тенденциями постоянно стыдить ребенок не становится безупречнее, он просто учится тщательно скрывать, утаивать, лгать, пытаясь укрыть и сохранить свою интимность, уберечь ее от вскрывания и устыжения.

Над ней все любили посмеяться, ведь она была самой младшей в их большой семье. Всех потешало, как она пела, когда была маленькой, – «медведь на ухо наступил», как танцевала, весело размахивая подолом платья, как говорила, не справляясь с непослушной «р». Наименее страшное, что она слышала, говоря о своих желаниях, было «Ишь чего захотела!», чаще слышала «Ей еще и ... подавай! Губа не дура». Она пыталась укрыться от вездесущих глаз и насмешек, но удавалось плохо: что бы она ни сделала, все получалось как-то не так, и, сколько она себя помнит, «наша недотепа» она слышала значительно чаще, чем свое имя. Ее мучительные старания доказать им, что она хоть чего-то

стоит, закончились в подростковом возрасте, когда она, видимо, решила, что угодить им уже невозможно, что с таким прыщавым лицом и угловатой фигурой ей не светит услышать в свой адрес ни одного доброго слова, она стала воровать и убегать из дома, чтобы оправдать свое «повышение» в статусе: от «нашей недотепы» она доросла до «исчадия ада».

Устыжение вопреки родительским ожиданиям не делает ребенка лучше, оно делает его скрытнее. Риск быть пристыженным заставляет загонять вглубь многие естественные проявления и импульсы, заставляет бояться себя самого, собственной Тени, аффектов, мыслей, чувств. Ожидание стыда – это жизнь в постоянном страхе. Это желание укрыть от других то, что и должно быть в основном укрыто и показываться только тогда, когда этому приходит время, место и соответствующие обстоятельства.

Устыжение – это внешняя замена внутренней совести ребенка. Когда он не делает чего-то не потому, что осознает, что это плохо, неприятно, неуместно, а потому, что боится быть застыженным. Так, принуждая ребенка, вы забираете себе его волю, так, стыдя его, вы забираете себе его совесть. В конце концов ему становится выгоднее либо жить бессовестным, либо жить в страхе наказания, а не в соответствии со свободно и осознанно выбранными моральными ценностями.

Альтернатива устыжению. В любом случае о «плохих

поступках» ребенка лучше говорить с глазу на глаз, обсуждая с ним причины и следствия того, что он сделал, в соответствии с его возрастом, конечно. Вы можете поделиться своими чувствами: «Я так расстроен (рассержен, обижен). Что побудило тебя так поступить?» Если ребенок отвечает «не знаю» (иногда он может действительно не знать), то просто стоит объяснить примерно в таком ключе: «Когда ты поступаешь вот так, другие люди могут чувствовать себя вот так». В таком случае ребенку будет проще воспринять моральные нормы и социальные ограничения, не становясь ужасным, плохим, не заслуживающим вашей любви.

Мы все совершаем ошибки, все способны на дурной поступок, каждый в какой-то момент может проявить слабость, смалодушничать, растеряться. Важна не наша мнимая безупречность, а то, как мы поступаем с неприятными для себя открытиями, как разбираемся с последствиями своих поступков. Застыженному ребенку будет труднее брать на себя ответственность за совершенное; он будет скрываться, оправдываться, переносить вину на другого, что объяснимо: ведь хочется избежать ощущения окончательной «никуда не годности».

Есть разница в том, чтобы все время говорить: ты плохой, ты ужасный. Вскоре волей-неволей начнешь считать себя таким. Или говорить: ты хороший, и я люблю тебя, но, на мой взгляд, ты поступил плохо (а еще лучше: ты поступил так, что другим людям и тебе от этого было так-то и так-то).

Принятие и уважение к ребенку или взрослому всегда полезнее и действеннее попытки пристыдить, поскольку позволяют принять в себе недостатки и укрепить ресурсные и «положительные» качества. К тому же направляют ребенку послание о том, что мир, люди вокруг в порядке, хороши, но иногда могут происходить различные события, складываться неоднозначные ситуации, к которым ему самому предстоит выработать свое отношение.

Наказание

Наказание – один из любимых способов в российской педагогике закрепить отрицательный результат. Применяется, как правило, с целью предотвратить повторение подобного поведения в дальнейшем. Но часто скрывает всего лишь проявление нашей взрослой беспомощности, разочарованности и злости.

Справедливое наказание за реально нанесенный ущерб еще может быть воспринято ребенком как адекватная мера, поскольку слегка освобождает его от вины (и это опять же не совсем тот эффект, которого добивается наказывающий родитель; он предпочел бы, чтобы ребенок еще долго ощущал себя виноватым). Несправедливое наказание рождает в детях, да и в людях вообще, лишь обиду, злость, возмущение и нежелание сотрудничать или иметь дело с таким непонимающим взрослым.

Послание при наказании: «Ты, видимо, не понял, как ужасно поступил? Так вот, я причиню тебе боль, сделаю тебе плохо, унижу тебя за то, что ты заставил меня переживать и стыдиться. Я вымещу на тебе всю боль моего разочарования. Из собственного страха оказаться плохим родителем еще раз я хочу, чтобы ты навсегда запомнил, насколько плохо поступил, а то вдруг забудешь».

Тот, кого наказывают с помощью унижения, физического или психологического насилия, в итоге очень быстро становится насильником сам. Не в силах противостоять наказывающему его родителю, он вымещает свою злость на других детях в школе, на собственных братьях-сестрах, на бабушке, на любом, кто будет позволять ему делать это с собой. Поскольку несправедливое наказание почти всегда воспринимается как акт унижения, проявление агрессии, то в ответ рождает тоже лишь желание унижать и мстить.

В качестве сопротивления наказанию ребенок может использовать и модель жертвы, стойко перенося все унижения, оскорбления и побои. Ему страшно оказать сопротивление, поскольку больше всего на свете он боится уподобиться его мучителям. У него есть надежда стать абсолютно хорошим, и тогда он избежит нападения и наказания. Но его жертвенно-мазохистская модель всегда будет только провоцировать окружение на нападение и насилие. Причем не только в его семье. Ребенок-жертва будет попадать в ситуации нападения

и наказания повсеместно, где бы он ни был.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.